

Из истории подготовки "Очерков реалистического мировоззрения".

В начале 1902 года был восстановлен Московский комитет РСДРП, разгромленный охранкой осенью предыдущего года. В него входили Л. М. Хинчук, С. Л. Вайнштейн и И. А. Теодорович. Москва налаживает систематическую связь с "Искрой", ежемесячно отчисляют деньги на издание этой газеты московские рабочие. Комитет объединяет действующие в Москве социал-демократические кружки, приобретает и распространяет литературу, осуществляет связь с заграничными группами и в России, организует политические демонстрации. В числе членов Московского комитета РСДРП был и В. М. Шулятиков.

Из доклада в министерство юстиции: "Весной 1902 года на фабриках и заводах Москвы появились в обращении прокламации, приглашавшие рабочих к устройству 1 мая противоправительственной демонстрации. Возбужденным по сему Поводу формальным дознанием выяснено, что в начале 1902 года под влиянием агитации со стороны представителей существующих в Лондоне "Лиги революционной русской социал-демократии" в Москве образовалось тайное сообщество, присвоившее себе наименование "Комитет Российской Социал-демократической рабочей Партии", члены которого, стремясь к ниспровержению государственного и экономического строя империи, в видах достижения политической свободы, поставили своею задачею преступную пропаганду среди местного фабричного населения... но предполагавшиеся беспорядки не произошли ввиду последовавших арестов членов общества. В состав "Комитета" входили ... 11. Владимир Михайлов Шулятиков, 29 лет".

Арестовали Шулятикова в первых числах мая. Основанием для ареста послужили агентурные данные о том, что на имя Шулятикова из-за границы поступает социал-демократическая переписка, предназначенная для Московского комитета. Охранке предстояло теперь добиться признания от Шулятикова, так как в обвинительных заключениях агентурные сведения и данные перлюстрации не должны были фигурировать. Под стражей Шулятиков находился 5 месяцев и 23 дня. Начались изнуряющие допросы.

"1902 года июля 19 дня в городе Москве, я, отдельного корпуса жандармов, подполковник Куроедов ... в присутствии товарища прокурора Московского окружного суда К.М.Головня допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих объяснений от 11 мая показал: "Зовут меня Владимир Михайлович Шулятиков. Сношений ни письменных, ни устных с находящимися за границей политическими группами и с представителями оных я в течение 1901-1902 годов не имел. Равным образом, согласия на то, чтобы подобные сношения велись через мое посредство, я никому не давал".

6 сентября обвиняемому предъявили полтора десятка фотографий. Показывая их. Куроедов называл фамилии, имена и даже давал свои оценки их деятельности. Шулятиков внимательно разглядывал фотографии своих товарищей, но затем откладывал фотографию в сторону и с сожалением говорил: "Не знаю, не видел, не помню". Даже когда очередь дошла до фотографии С.А.Скирмунта, Владимир решил и его не признавать: "Что-то не припомню этого вашего знакомого". В протоколе Шулятиков записал: "Лиц, изображенных на предъявленных мне пятнадцати фотографических карточках я не знаю, вижу их в первый раз, в переписке с ними не состоял. Вообще никто никогда ко мне не обращался с просьбой о присылке на мое имя, каких бы то ни было писем, как заграничных, так и иногородних, для передачи кому-нибудь".

Надежды на признание Шулятиковым своей причастности к тайной организации рухнули. Доказательств его вины, кроме агентурных и перлюстрации, на которые ссылаться было нельзя, явно не хватало. В этой ситуации начальник Московского губернского жандармского управления обращается к своему рязанскому коллеге с просьбой "допросить в качестве свидетелей крестьянок М.И.Данилину и В.Г.Алимову о том, с какого времени каждая из них проживала в Москве по Ново-Проектируемому переулку в доме Михайловой в квартире 9, занимаемой мещанином В. М. Шулятиковым, в качестве какой прислуги они у него были, не видали они, чтобы к нему заходили лица, изображенные на препровождаемых при сем фотографических карточках ... а если они бывали, то часто ли, и не слышали ли они, о чем именно между названными Канцель, Хинчуком и Шулятиковым велась беседа". Когда спустя полтора месяца Куроедов лично допросил М. И. Данилину, это отнюдь не прибавило доказательств вины Шулятикова: "У В. М. Шулятикова я проживала с начала января. Кто был у Шулятиковых, я не знаю, так как все время находилась на кухне ... я не знаю ... и никогда не видала".

Несмотря на относительно теплый сентябрь, в камере было холодно и сыро. Стали давать, о себе, зная забытые было болезни. Шулятиков обратился с прошением об улучшении условий пребывания в